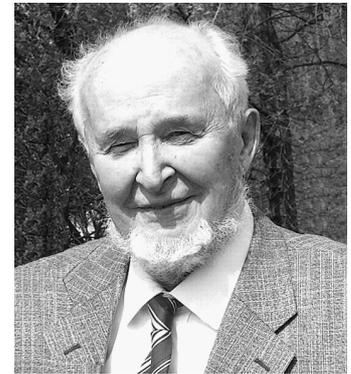

Генерал А.П. Кутепов обходит войска в Галлиполи. Фото 1921.

УДК 82-94

Чельшев Е.П.

Исход на Юг¹

Чельшев Евгений Петрович, доктор филологических наук, академик РАН, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР / РАН (1988–2002), сопредседатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член бюро Индийского философского общества, действительный член Литературной академии Индии, член-корреспондент Португальской академии наук.

В статье дан анализ литературных источников – свидетельств современников и мемуаров очевидцев и участников крымской катастрофы и галлиполийского периода русской эмиграции.

Ключевые слова: Русская армия, Белое движение, генерал А.И. Деникин, генерал А.П. Кутепов, П.Н. Милоков, русские в Галлиполи, эмигрантская либеральная и патриотическая пресса.

Бросая личные вещи, многие беженцы пытались сохранить дорогие им семейные реликвии: фотографии, письма, документы, дневники, мемуары, иконы награды, полученные за службу отечеству и т.д. Все это бережно хранится в семейных архивах, передающихся из поколения в поколение. В них можно обнаружить много интересного и ценного, сохраняющего не только семейную память, воспоминания о родных и близких, о самом дорогом, что оставили они в России, но и важного для более глубокого понимания прошлого.

Мне не раз доводилось в Париже знакомиться с такого рода семейными архивами. Их берегут обычно как зеницу ока и показывают лишь тому, кому доверяют, кто с уважением относится к культурному наследию российской эмиграции. Именно так отнесся я к мемуарам Алексея Алексеевича Литвинова², познакомиться с которыми мне довелось благодаря его дочери Наталье Алексеевне Федоровской, сотруднице Парижского отделения Народно-трудового союза нового поколения (НТСНП). Воспоминания, составляющие старую общую тетрадь с надпи-

¹ Продолжение. Начало см.: Чельшев Е.П. Исход на Юг // *Пространство и Время*. 2013. № 1(11). С. 76–87.

² Литвинов Алексей Алексеевич (1890–1972), из дворян Новгородской губ. Окончил Александровский лицей. Произведен в офицеры за боевое отличие (1917). В Добровольческой армии с 1918 в эскадроне лейб-гв. Кирасирского Ее Величества полка, в 1919–1920 командир эскадрона, с 1920 помощник адъютанта Сводно-кирасирского полка. Штабс-ротмистр. После эвакуации из Крыма в распоряжении российского военного агента, переводчик при союзных миссиях. Директор отделения бельгийского банка в Элизабетвиле (Конго), с 1957 в Бельгии, председатель Союза Инвалидов, сотрудник журнала «Военная Быль». Соч.: Кирасиры Ее Величества во время Гражданской войны. Белград, 1927. (По: Волков С.В. Офицеры Российской гвардии. М., 2002). (Прим. ред.).

стью «Воспоминания моего отца Алексеи Алексеевича Литвинова»¹ и чтимые семьей Н.А. Федоровской как священная реликвия, как единственная нить, связывающая с Родиной потомков эмигранта, начинаются следующей записью: «Сегодня 3 января 1970 г. мне предстоит праздновать три юбилея: 60-летие моего окончания Лицея, мое собственно. 80-летие и 50-летие моего пребывания за границей. Я решил начать давно задуманное дело. Запечатлеть на страницах этих мое собственное прошлое». Автор мемуаров в начале рассказывает о своем отце – Алексее Павловиче Литвинове (1940–1918), – принадлежавшем к старинному дворянскому роду, всю жизнь про служившему в армии, в последние годы в должности командира артиллерийской бригады, расквартированной в Гатчине. С гордостью пишет Алексей Алексеевич о том, что он окончил тот же, что и Пушкин, Царскосельский лицей. А.А. Литвинов пошел по стопам отца: стал офицером, служил в гвардейской кавалерии, участвовал в Великой войне. После революции, как и многие офицеры, бежал на юг, вступил в Добровольческую армию, командовал эскадронном кирасир, входившим в корпус генерала Я.Д. Юзефовича – ближайшего соратника генерала Врангеля, который поручил ему формирование воинских частей для Русской армии в Польше.

Алексей Алексеевич принадлежал к тем участникам Белого движения, кто, разочаровавшись в генерале Деникине, все свои надежды связывал с генералом Врангелем. По его мнению, Антон Иванович, «великолепно начавший свою боевую карьеру... кончил ее тем, что стал как будто больше интересоваться и интригами и политикой, попав, очевидно, под влияние некоторых из своих ближайших сотрудников, имена которых произносили в действующей армии с ненавистью. Таким был, прежде всего, генерал Романовский». Такого рода отзывы о начальнике штаба Добровольческой армии встречаются нередко, чем, видимо, и объясняются мотивы его убийства в Российском посольстве в Константинополе. Приведу одну, словно с натуры сделанную А.А. Литвиновым зарисовку генерала Деникина: «Лично я видел Деникина лишь однажды, во время смотра, который он нам делал в задонской степи. Не скрою, что худшего впечатления произвести было трудно. Бригада наша была построена в конном строю на снежной равнине, и по приказу свыше Деникину был предоставлен красивый и спокойный конь из нашей пулеметной команды. Но как только Деникин на него вскарабкался, конь взвился на дыбы и в ту же секунду Деникин оказался на земле. Отказавшись тогда от объезда конной бригады верхом, он обошел ее пешком, да еще с повязкой на голове. Вид этого маленького коренастого генерала, обходившего пешком кавалерию, был комичным. Все над ним подсмеивались. И вот теперь он оказался “под охраной англичан”».

Антон Иванович Деникин
(1872–1947)

А.И. Деникин в танковых
частях своей армии

Генерал Деникин принимает англичан в Екатеринодаре

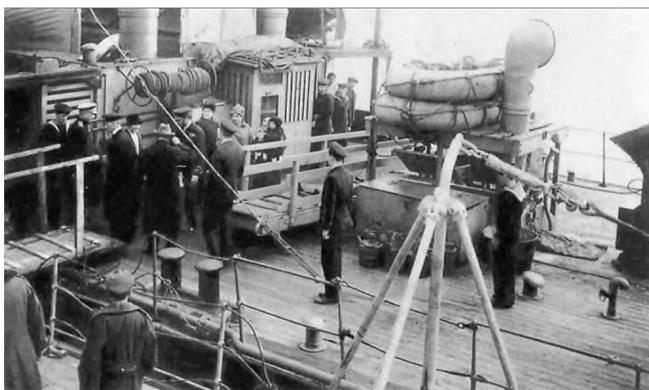
По мнению А.А. Литвинова, Деникин погубил армию и Россию. Так судили о генерале Антоне Ивановиче Деникине многие русские эмигранты из элитарных слоев общества, снобистски относившиеся к генералу «из мужиков», начавшему службу в армии с низших чинов. Особенно не в чести он был в эмигрантских кругах, связанных с Врангелем, как известно, плохо относившимся к своему бывшему начальнику. Они не могли простить Деникину его скептического отношения к созданному Врангелем «Русскому общевоинскому союзу». Антисоветски настроенные эмигранты критиковали Деникина за его антифашистскую позицию, за его отношение к Красной Армии, которую он считал в какой-то степени русской национальной силой и расценивал всякие сношения с иностранцами, выступавшими против Советского Союза, как измену Родине. Многие не разделяли позиции Деникина, поддерживавшего борьбу советского народа против фашистской агрессии и приветствовавшего победу Красной Армии в войне с гитлеровской Германией. Но в то же время Деникин до конца жизни не принимал советского строя, «до тех пор, пока важнейшие свободы не восстановлены, – писал он, – до тех пор, пока трудящиеся находятся в порабощении и продолжается кровавая диктатура НКВД, мы должны сохранить верность идеям, провозглашенным основателями Добровольческой армии, и продолжать наш путь в эмиграции, каким бы тяжелым он ни был»².

Что бы ни говорили и ни писали о генерале Деникине, нельзя забывать и о его больших боевых заслугах в Великой войне, о том, что после гибели генерала Корнилова 13 апреля 1918 г. он принял на себя командование Добровольческой армией, под его руководством она одержала немало побед и испытала горечь поражения и полного разгрома, после которого 22 марта 1920 г. на борту английского миноносца он навсегда покинул Россию. Путь его из Новороссийска в Европу лежал через Константинополь.

Деникин был незаурядной личностью. Он оставил заметный след в эмигрантской литературе и публицистике.

¹ Фрагменты упомянутых мемуаров см.: Литвинов А.А. Воспоминания кирасира ее величества // История Петербурга. 2004. № 1. С. 34–40. (Прим. ред.).

² Цит. по: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 216.

Генерал Деникин на миноносце «Капитан Сакен» во время новороссийской эвакуации, март 1920 г.

А.И. Деникин и И.С. Шмелев на отдыхе

Широкой известностью пользовались его пятитомные «Очерки русской смуты» (1921–1926), литературное наследие Деникина составляют книги «Офицеры» (1928), «Старая армия» (1929), многие статьи и очерки. Антон Иванович общался с И. Бунинным, А. Куприным, И. Шмелевым, К. Бальмонтом, М. Цветаевой.

Считаю необходимым сказать это о генерале Деникине для того, чтобы не создавалось впечатления, что, сосредоточив внимание на последнем, врангелевском этапе гражданской войны, обороне Крыма, эвакуации Русской армии и Константинополь, я как бы оставил без внимания события, которые этому предшествовали, генерала Деникина, которого иногда пытались представить главным виновником поражения Белого движения.

Заслуживает внимания описание Литвиновым эвакуации частей Русской армии и беженцев из Феодосии осенью 1920 г. В отличие от Севастополя, «погрузка там проходила в кошмарных условиях. Пароходов было мало, и они стояли на внешнем рейде, а добираться до них приходилось на катерах, что было необыкновенно трудно. Под конец багаж стали бросать в воду, чтобы освободить места на катере для людей. Погрузка началась вечером 31 октября. ... единственным местом, где можно было находиться, была пристань. Она была черна от народа. Погрузка на катер шла очень медленно... Мы простояли на пристани весь вечер и всю ночь. Лишь утром 1 ноября, с последним катером нам удалось уехать. Весь путь до Константинополя мы с женой находились на палубе... В Турции мы пробыли полгода, 4 июля 1921 г. нам удалось выехать в Марсель. С Константинополем мы расставались без всякого сожаления. Великолепный, но совершенно чужой для нас город с турецким и греческим населением. Настроение было невеселое. Я чувствовал себя щепкой разбитого бурей корабля, занесенной в какие-то далекие воды».

По словам Натальи Алексеевны, ее отец, работая в банке, не нуждался, но до конца дней не мог смириться с положением эмигранта из России. Он не воспринимал культуру тех стран, где ему приходилось жить и работать, – в Бельгии, Конго, Франции. Читал он лишь русскую литературу и прессу, которую выписывал в большом количестве, и верил, что ненавистный ему коммунистический режим в России скоро прекратит свое существование. ...

С рукописями, подобными воспоминаниям А.А. Литвинова, мне приходилось знакомиться довольно часто. Вряд ли они когда-нибудь увидят свет. Лишь немногим нашим соотечественникам, не относящимся к элитарным слоям общества, удалось издать свои мемуары.

Олег Иванович Пантюхов, младший из пяти сыновей врача, антрополога, публициста Ивана Ивановича Пантюхова, в 1968 г. в Ницце опубликовал свои воспоминания под названием «О днях былых. Семейная хроника Пантюховых». Олег Иванович был участником похода полковника Дроздовского¹. Строевая песня об этом легендарном походе стала популярной в Добровольческой армии.

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Через вал Перекопский шагая,
Позабывши былые беды,
В день веселого светлого мая
Полетели на север Дрозды...

Тот, кому приходилось бывать на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем, конечно, помнит величественный памятник из серого гранита, на котором золотыми буквами высечена надпись: «Генералу Дроздовскому и его дроздовцам». Олег Иванович Пантюхов с гордостью носил имя «дроздовца». В своих воспоминаниях он рас-

Олег Иванович Пантюхов (1882–1973), один из основателей скаутского движения в России

Михаил Гордеевич Дроздовский (1881–1919), Генеральный штаба генерал-майор (1918), участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из организаторов и руководителей Белого движения на Юге России

¹ «Дроздовский поход» 26 февраля (11 марта) – 24 апреля (7 мая) 1918 г. – один из наиболее значительных эпизодов в истории первого этапа Белого движения на Юге России – переход Первой Отдельной бригады Русских добровольцев под командованием М.Г. Дроздовского с Румынского фронта Первой мировой войны на Дон для соединения с Добровольческой армией генерала Л.Г. Корнилова. (Прим. ред.)

сказывает об отце, о дореволюционной жизни, «воодушевленной любовью к Родине, вдохновленной науками, литературой, поэзией». Олег Пантюхов сражался в Крыму и вместе с остатками Русской армии эмигрировал в Константинополь, где прожил 18 месяцев, работая воспитателем в военизированном училище скаутов. Прощаясь со своими учениками, он говорил: «Где бы мы ни были, в каких бы трудных обстоятельствах ни очутились, мы всегда остаемся, во-первых, русскими, а во-вторых, скаутами, то есть рыцарями». Проплывая по Босфору и прощаясь с Константинополем, он в последний раз взглянул на «величественные Константинопольские стены» и те врата, над которыми, по преданию, как он замечает, «мой тезка Великий Олег» пригвоздил свой щит, воспетый Пушкиным:

Тогда во славу Руси ратной
Строптиву греку в стыд и страх
Ты пригвоздил свой щит булатный
На царградских воротах.

«А потом во время русско-турецкой войны в 1877, – вспоминает О. Пантюхов, – здесь, недалеко у Сан-Стефано, стояла в бездействии победоносная наша армия, которая любезно согласилась не входить в Константинополь, пожертвовав из-за этой английской прихоти жизнью многих тысяч русских солдат, умирающих от тифа в отвратительных гигиенических условиях. В числе заболевших тифом был и мой отец... Константинополь. Что-то есть чарующее в этом восточном городе. Должно быть, прошлое невидимо продолжает жить вокруг него – великое и позорное, и героическое и предательское... Ночью прошли мимо Галлиполи. Грустно. Тоскливо на душе, когда представишь себе, что здесь под присмотром, если не под караулом французов, сосредоточены остатки нашей Добровольческой армии. Остались в ней крепкие патриоты, даже после того, как союзники отвернулись от нас, продолжающие верить, что еще можно что-то сделать... Мысль снова и снова возвращается к этому гнетущему вопросу. В чем кроется успех большевиков? В том, что они дали толпе хоть и ложную, но увлекательную идею. И еще и том, что нашли у своих единомышленников в Европе и в Америке поддержку и прессе и деньги, тогда как ни Деникин, ни Врангель, увы, не нашли ни новых манящих идей, ни денег...».

Прошедший через тяжкие испытания гражданской войны, Олег Пантюхов не уподобился потерявшим человеческий облик героям романа Е. Чирикочиа, для которых не осталось в жизни ничего святого. С таким благоговейным чувством может вспоминать и писать о матери лишь благородной души человек: «Могу ли я, смею ли я писать о моей милой маме? Мне кажется, что здесь, когда я начну писать, поблекнет все, что было в моей душе, когда я изображу мое святая святых на бумаге. Как можно передать на листке почтовой бумаги аромат, музыку, краски». «Мы, бывшие офицеры, чиновники, солдаты и вице-губернаторы, очутившись не в своей тарелке, растерялись бы, если бы не было с нами наших жен, дочерей, сестер». Последнее же чувство, пронизывающее его сознание, была боль расставания с родиной. «Какие чувства, какие мысли, надежды и предчувствия были у нас с Ниной, когда берега Крыма, берега нашей России удалялись от нас в лучезарной мгле? Надеялись ли мы вернуться? Станет ли Россия снова Россией? Что ждет нас на берегах Босфора?»¹.

Виктор Александрович Ларионов (1897–после 1984), участник Первой мировой и Гражданской войн, деятель Белого движения, первоходник, террорист, публицист

Так кончат свои воспоминания Олег Пантюхов. Можно предположить, что с ним был знаком Виктор Александрович Ларионов, автор мемуаров «Последние юнкера». В них Ларионов описывает свой ратный путь на фронтах гражданской войны, начиная с осени 1917 г., когда он вместе с друзьями по юнкерскому училищу отправился на Дон, присоединился к Белому движению. Он провоевал, как говорится, «от звонка до звонка». Много испытаний выпало на долю юнкера-артиллериста. Известно, что юнкера с их молодым задором, а иногда с безрассудной смелостью достойно проявили себя в армиях и Корнилова, и Деникина, и Врангеля. Опуская многое из этого интересного, талантливо написанного повествования об участии Виктора Александровича в боях на других фронтах, остановлюсь лишь на некоторых эпизодах его крымской эпопеи. В сентябре-октябре 1920 г. он участвовал в контрнаступлении на Каховку, которое, как известно, для Русской армии оказалось неудачным. На его глазах был убит командир полковник Шперлинг... «В него попало не менее двадцати шрапнельных нуль, разбит был даже бинокль в его руках и пулей смят значок Кубанского похода. Славная смерть для первоходника², для марковца³-артиллериста... Исчезла вера в победу. Все, кто мог, отступали теперь на юг – на Севастополь, на Керчь, на Балаклаву. Ночью мы в конном строю прошли перевал... Рядом со мной всю дорогу скакала молоденькая жена капитана Веденева – стройная, лихая наездница, одетая в черкеску... С парохода мы в последний раз кричали “ура!” генералу Врангелю, отъезжавшему с Графской пристани. Так закрывалась последняя страница ныне полузабытой эпохи начала борьбы с большевиками, в ней

нам, последним юнкерам Российской Империи, довелось принять участие... И мы ни о чем не жалели, ни о нашей пролитой крови, ни о бесчисленных жертвах, принесенных Родине... Так повелела судьба»⁴.

Ларионов пишет, что в Турции он находился в военном лагере в Галлиполи, затем переехал к родным в Финляндию, где вел активную борьбу против Советской России. По требованию Советского правительства Ларионов был выслан из Финляндии и поселился во Франции, где зарабатывал на жизнь тяжелым физическим трудом.

Как мемуарная литература, так и периодическая печать российской эмиграции по своему содержанию с самого своего зарождения была весьма неоднородной: одни и те же события интерпретировались в ней по-разному, что отражало не только субъективное восприятие происходившего, но и острые противоречия, воз-

¹ Пантюхов О. О днях былых: Семейная хроника Пантюховых. Ницца, 1968. С. 15–21.

² Первоходник – наименование участников Первого Кубанского («Ледяного») похода только что созданной Добровольческой армии зимой-весной 1918 г. Первоходники стали ядром всех белых формирований на Юге России.

³ Служивший в полку генерал-лейтенанта Василия Евгеньевича Маркова (1864–1935).

⁴ Ларионов В. Последние юнкера / Предисл. и комментарии Н. Росс. Frankfurt am Main: Посев, 1984. С. 202.

никшие в среде российской эмиграции. Ранее уже шла речь о том, сколь противоположными были описания последнего этапа гражданской войны, падения Белого Крыма в мемуарах генерала Слащёва и других участников этого события. Мы уже обращали внимание на то, как по-разному описывалась в эмигрантской печати эвакуация из Севастополя и роль в ней генерала Врангеля, «уже давно левая печать вела кампанию против Белого движения и против Русской армии, борющейся в Крыму...»¹.

Большую активность в дискредитации Белого движения проявлял П.Н. Милюков – основатель и лидер партии кадетов. Во время успешного наступления армии генерала Деникина Милюков поддерживал его. В одной из газет того периода отмечалось, «что кадеты, приветствующие Добровольческую армию теперь, при ее победах, отказались бы возложить венок на ее могилу в случае ее поражения. К счастью, не вся партия к.-д. заслужила такой резкий, но справедливый отзыв»². Слова эти оказались пророческими: после поражения армии Деникина и превращения Крыма в последний оплот Белого движения Милюков резко изменил свои позиции, призывая Русскую армию признать поражение и решившего «отгородить себя от всяких реакционных, по его мнению, элементов... За Милюковым потянулись все уставшие, гибкие и неустойчивые, все те, кто считал Крым провалившимся-делом, а генерала Врангеля конченным человеком... Милюков никогда не отличался брезгливостью, он мог пить из мутного источника и утверждать, что это сладчайший демократический нектар», – отмечали В.Х. Даватц и Н.Н. Львов³.

Острая критика в адрес П.Н. Милюкова, которую я оставляю здесь на совести его ярых противников, отражает противоречия, особенно обострившиеся в конце гражданской войны между Белым движением и либеральными элементами, представленными кадетами. Кадеты обвинили проигравших войну белых генералов в неумелом военном руководстве, выступали против продолжения вооруженной борьбы с Советской Россией под руководством старого командования. Участники Белого движения считали, что ради своих корыстных целей кадеты предадут национальные интересы России, идут на сговор с предавшими ее союзными державами.

Ожесточение между двумя противоборствующими силами, выступавшими против большевиков, порой дожигало такого накала, что они словно забывали, что у них общий враг.

Либеральная пресса порождала в эмигрантской среде разброд, неуверенность и антагонизм, нагнетала настроения безысходности и беспомощности. По-разному, например, описывалось прибытие российских эмигрантов в Константинополь. Положение русских на константинопольском рейде было тяжелым, особенно в первое время, когда не организована была помощь. Однако описания ужаса, которые стали появляться в печати, не соответствовали действительности. Либеральная пресса так представляла происходящее: «Стон и ужас стоят на Босфоре... Те лаконичные вести, которые идут оттуда, только в слабой степени дают представление о творящемся там кошмаре». Поражало скорее другое – «то спокойствие, с которым русские переносили невзгоды, обрушившиеся на них, поражала та бодрость, которую они сумели сохранить в себе, несмотря на всю тяжесть пережитого».

По-разному оценивалась и жизнь в русском военном лагере в Галлиполи, где с ноября 1920 по декабрь 1921 г. размещался корпус генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова. Либеральная печать писала, что вырвавшиеся оттуда свидетели «об аде... о насильно загнанных за колючую изгородь ради кучки честолюбивых генералов»⁴. Однако более соответствует истине мысль о том, что в Галлиполи «в пределах возможного было сделано все. Это было наше русское; это был микрокосмос России... Здесь с почтением расступались и греки и турки перед русским офицером... Там, в Константинополе, видели только несчастных русских людей, а здесь, в Галлиполи, они приблизились к вынесенной через все страдания русской национальной идее», органически связанной с отечественной культурой. Именно и ней, оторванные от родины русские воины находили источники духовной стойкости, нравственного оздоровления, в ней они черпали силы в борьбе против попыток унижить их национальное достоинство. Наряду со спортивными состязаниями, военными занятиями, деятельностью полковых и офицерских школ, стрелковыми соревнованиями и т.д. там постоянно звучало хоровое пение, организовывались литературные музыкальные вечера, издавались самописные газеты и журналы, проводились конкурсы художников, ставились пьесы русских драматургов, работали библиотеки. «Это было зрелище, еще не виданное в истории, когда горсть изгнанников в несколько десятков тысяч на чужой земле сумела придать себе облик государственной силы, несмотря на попытки могучих держав-победительниц распылить ее, стояла непоколебимо на страже не своекорыстных мелких интересов, а интересов и будущего своей великой странью»⁵.

Душою духовного и военного возрождения галлиполийцев был генерал Кутепов, который «сумел свою любовь к родине и свою веру в конечный успех дела передать в возрождающуюся армию»⁶. Его же пытались изобразить

Павел Николаевич Милюков (1859–1943), лидер Конституционно-демократической партии министр иностранных дел Временного правительства (1917).

Александр Петрович Кутепов (1882–1930), генерал от инфантерии, активный участник Белого движения, первоходник, председатель Русского общевоинского союза (РОВС)

¹ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. (1920–1923). Нью-Йорк, 1985. С. 36.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 37–39.

⁴ Здесь и далее цит. по: Там же.

⁵ Русские в Галлиполи. 1920–1921: Сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923. С. 435.

⁶ Там же. С. 57.

Галлиполи. Гимнастический праздник. Июль 1921.

Галлиполи. Со строевых занятий – с оркестром. 1921.

для людей в виде лагеря, обнесенного проволочным ограждением с неожиданным пленом вместо гостеприимства... таков был остров Лемнос, где размещались кубанцы под командой генерала М.Л. Фостикова. А в лагерях для “новых пленных” под Константинополем в местечке Чаталджи зуавы колотили русских обезоруженных офицеров, напоминая: “Не спасай Париж, когда тебя не просят”. Отныне безнадежно давило русских унижение. Великая страна топталась горделивым Западом. Чести и гордости не дозволялось иметь тем, кто потерял отечество и назывался русским. И многие не раз жалели, что не погибли там³. «Вдохновляемые генералами Врангелем, Кутеповым и Абрамовым, ступили они в борьбу против стихии, против ужасных условий жизни и вышли победителями в этой борьбе»⁴.

В 1923 г. в Берлине был издан сборник статей, посвященный пребыванию I-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи, под названием «Русские в Галлиполи». «Кто хочет ближе подойти к армии, познакомиться с ней “по существу” (по удачному слову П.Б. Струве), увидеть ее не сквозь строки журнальных фельетонов и статей, тот с удовольствием войдет в этот интимный уголок, прочтет и перечтет эти незамысловатые стихи и рассказы»⁵. Авторы всех этих произведений не профессиональные литераторы, а воины Русской армии. Недостаток литературных навыков они возмещают искренностью и правдивостью, любовью к России, верой в ее возрождение». «Русские в Галлиполи», безусловно, войдет в литературу российского зарубежья как яркая ее страница, как исповедь русских воинов, сражавшихся и умиравших за родину.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. (1920–1923). Нью-Йорк, 1985.
Davatts V.X., L'vov N.N. (1985). Russkaya armiya na chuzhbine. (1920–1923). N'yu-Iork.
- 2 Ларионов В. Последние юнкера / Предисл. и комментарии Н. Росс. Frankfurt am Main: Посев, 1984.
Larionov V. (1984). Poslednie yunkera. Predisl. i kommentarii N. Ross. Frankfurt am Main: Posev.
- 3 На прощание: Альманах. Константинополь, 1923.
Na proshchaniye: Al'manakh. Konstantinopol', 1923.
- 4 Пантюхов О. О днях былых: Семейная хроника Пантюховых. Ницца, 1968.
Pantukhov O. (1968). O dnyakh bylykh: Semeinaya khronika Pantukhovovykh. Nitsa.
- 5 Русские в Галлиполи. 1920–1921: Сборник статей, посвященный пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923.
Russkie v Gallipoli. 1920–1921: Sbornik statei, posvyashchennyi prebyvaniyu 1-go Armeiskogo korpusa Russkoi armii v Gallipoli. Berlin, 1923.
- 6 Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX v. Entsiklopedicheskii biograficheskii slovar'. Moskva, 1997.

Продолжение следует

¹ Там же. С. 54.

² Там же.

³ Там же. С. 60.

⁴ Галлиполи // На прощание: Альманах. Константинополь, 1923; Spassibo // Там же. С. X.

⁵ Русские в Галлиполи... С. 305.